

УДК 1 (091)

ПОНИМАНИЕ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ В СВЕТЕ «ВЕКА ПОВОРОТОВ»

А. А. Санжеников

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)

sanzhenakov@gmail.com

Аннотация. Автор статьи размышляет о возможности выхода за рамки субъект-объектной оппозиции при прояснении процедуры понимания в историко-философском исследовании. В качестве отправной точки используется статья В. П. Горана «Процедура понимания в историко-философском исследовании», где представлены два подхода: субъективный (иррациональный) и объективный (рациональный). Первый предполагает, что понимание осуществляется благодаря «вчувствованию» субъекта познания в «другого», в его внутреннее состояние, второй нацелен на преодоление и устранение, насколько это возможно, субъективной составляющей в акте понимания. Адекватное понимание предполагает учет как субъективной, так и объективной сторон. В настоящей статье ставится вопрос о возможности сохранения подобного дискурса после так называемого «века поворотов» – ряда фундаментальных изменений в методологии гуманитарных наук, произошедших в прошлом веке. Рассмотрены лингвистический, прагматический, риторический повороты и их влияние на способы понимания текстов в истории философии.

Ключевые слова: история философии, методология, лингвистический поворот, прагматический поворот, риторический поворот.

Для цитирования: Санжеников, А. А. (2025). Понимание в истории философии в свете «века поворотов». *Respublica Literaria*. Т. 6. № 2. С. 102-109. DOI: 10.47850/RL.2025.6.2.102-109

UNDERSTANDING IN THE HISTORY OF PHILOSOPHY AFTER THE “AGE OF TURNS”

A. A. Sanzhenakov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)

sanzhenakov@gmail.com

Abstract. The author discusses the possibility of overpassing the subject-object opposition in the clarification of the process of understanding in the history of philosophy. The starting point of the study is the article by V. P. Goran “The Procedure of Understanding in History of Philosophy Research”, which presents two approaches: subjective (irrational) and objective (rational). The first assumes that understanding is realized due to the “empathy” of the subject of knowledge with the “other”, with his internal state, the second is aimed at overcoming and eliminating, as far as possible, the subjective component in the act of understanding. Adequate understanding involves considering both the subjective and objective sides of the matter. This article raises the question of the possibility of preserving such a discourse after the so-called “age of turns” – a number of fundamental changes in the methodology of the humanities that occurred in the last century. The linguistic, pragmatic, rhetorical turns, and their influence on the ways of understanding texts in the history of philosophy are considered.

Keywords: history of philosophy, methodology, linguistic turn, pragmatic turn, rhetorical turn.

For citation: Sanzhenakov, A. A. (2025). Understanding in the History of Philosophy after the “Age of Turns”. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 2. Pp. 102-109. DOI: 10.47850/RL.2025.6.2.102-109

В этой статье мы обратимся к проблеме прояснения процедуры понимания в истории философии. Этой теме посвящена статья В. П. Горана [Горан, 2006], которую мы будем использовать как отправную точку. Мы выделим основные идеи в этой статье и достроим некоторые траектории, которые не получили развития. При этом нам хотелось бы увидеть ситуацию через призму так называемого «века поворотов». Прошлый век получил такое наименование благодаря ряду революционных преобразований в философии в частности и в гуманитарных науках в целом. Главным или, по выражению Д. Бахманн-Медик [Бахманн Медик, 2017, с. 37], «мега»-поворотом считается лингвистический, за ним следуют прагматический, риторический, нарративный и др. Мы полагаем, что тема понимания в историко-философской работе не будет полностью раскрыта, если мы не примем в расчет те глубокие изменения, которые мы наблюдаем в гуманитарной науке благодаря «веку поворотов».

В. П. Горан выделяет две линии интерпретации процедуры понимания. Первая предполагает, что «субъект понимания абстрагируется от всего, что не вкладывалось в текст его творцом, от всего, что привносится в восприятие текста самим субъектом понимания и что следовало бы квалифицировать как его субъективные домыслы» [Горан, 2006, с. 93]. В данном случае субъект понимания старается избежать собственных домыслов относительно прочитанного и стремится максимально приблизиться к первоначальному смыслу, который был вложен в текст автором. Такая линия получила название объективной. При этом автор отмечает, что полное устранение субъективности «едва ли» возможно, поэтому объективное понимание остается некоторым нормативным идеалом, к которому мы лишь можем стремиться.

Субъективная линия представляет собой веру в то, что в акте понимания субъект не только реконструирует идеи философа прошлого, но и выступает со-творцом этих идей. В связи с этим постулируется, что субъект понимания не просто неустраним из процедуры понимания, но и выступает главным действующим лицом в его акте. Более того, в ходе понимания происходит полумистическое замещение объекта понимания субъектом понимания, мы якобы становимся тем, кого мы понимаем. В связи с этим В. П. Горан характеризует данное направление как иррациональное: «непосредственность понимания “другого” обусловлена у Шлеермахера индивидуальностью этого “другого”, чем и определяется как суть способа понимания – “превратиться в другого”, идентифицировать себя с этим “другим”, поставить себя на его место посредством “вчувствования” в его внутреннее состояние, так и неустранимость тенденции иррационализма в таком подходе к трактовке сути акта понимания» [Горан, 2006, с. 93].

Таким образом, проблема понимания в истории философии сводится к субъект-объектной оппозиции и заключается в вопросе: чьи представления в понимании выступают на первый план – субъекта понимания или объекта понимания? При этом следует уточнить, кто именно является субъектом в данном случае – историк философии или, более широко, научное сообщество. Для В. П. Горана ответ на этот вопрос не является однозначным. С одной стороны, он уверен, что понимание является индивидуальным актом, ибо «понимание текста есть в конечном итоге понимание одним субъектом другого субъекта, а именно распознавание, осознание и усвоение одним субъектом того содержания, которое другой субъект выразил посредством соответствующего текста» [Там же], именно поэтому «полное исключение субъективности означало бы выход за пределы ситуации, внутри которой только и может иметь место понимание» [Там же]. С другой стороны,

он отмечает, что понимание должно быть проверено через возможность его трансляции в понятийно-терминологическом виде другому человеку, чтобы исключить психологический момент (*мне кажется, что я понял*). М. Фридман полагал, что понимание не следует сводить просто к психологическому явлению и тем самым замыкать его на субъективности [Friedman, 1974]. Вслед за Фридманом Х. де Регт пытается различить понимание как психологический феномен и как важный элемент эпистемологии [de Regt, 2004]. В этой статье мы бы хотели пойти дальше и в принципе поставить под сомнение необходимость разделения на субъект и объект (а также субъективное и объективное) в понимании. Сделать это нам поможет обзор методологических изменений, которые произошли в прошлом столетии.

Поскольку главным поворотом прошлого века по праву считается лингвистический, мы начнем именно с него. Общей характеристикой данного парадигмального изменения является придание языку особого статуса, переводящего его с индивидуального инструментального уровня на уровень деятельностный и надындивидуальный. Иначе говоря, язык становится самостоятельным объектом исследования в силу его смыслообразующей функции, которая раньше рассматривалась как исключительная прерогатива субъекта. Во многом смена парадигмы произошла благодаря работам Л. Витгенштейна, который на раннем этапе своего творчества полагал, что философские проблемы суть языковые путаницы, поэтому философская работа должна сводиться к логическому прояснению мыслей [см.: Родин, 2017]. Важным шагом в рамках лингвистического поворота стали «Философские исследования» [Витгенштейн, 1994] позднего Витгенштейна, где он предлагает функциональный и деятельностный подход к значению. Понятие «значение» приобретает новые коннотации в «языковых играх» Витгенштейна – теории, согласно которой язык представляет собой особую практику и форму жизни. Значение слов обретается через способы их употребления в тех или иных условиях и ситуациях. Язык сам по себе и значение отдельных слов, таким образом, плотно встраиваются в социальный контекст и теряют статус индивидуального инструмента. Помимо Витгенштейна лингвистический поворот осуществлялся такими философами, как Хайдеггер, Гадамер, Деррида и др.

Обращаясь к прошлому и оценивая перемены, многие исследователи наших дней отмечают, насколько фундаментальными были изменения, порожденные лингвистическим поворотом. Отныне «язык не просто передает или слегка преломляет значения, но создает, производит, задает видение ситуации и предопределяет способ действия в ней; то, что он идеологически и этически нагружен – в широком смысле язык определяет культуру и систему рациональностей, а вслед за ней и само поведение, – требовало пересмотра, ревизии гуманитарных исследований и задавало новый способ проблематизации» [Потапова, 2015, с. 14]. Деятельностное начало языка было также продумано в философии Дж. Остина, который ввел в оборот так называемые «перформативы» – речевые акты, являющиеся действиями. Наконец, апогеем лингвистического поворота можно считать «смерть автора», констатированную постструктуралистом Р. Бартом. Автор, по мнению этого философа, явление сравнительно недавнее, сформировавшееся в нововременную эпоху, однако на самом деле в текстах «говорит не автор, а язык как таковой ... уже не “я”, а сам текст действует, “перформирует”» [Барт, 1989, с. 385-386].

Поскольку язык становится центром внимания исследователей и кардинально меняет свой эпистемологический и, более того, онтологический статус, постольку проблема понимания в историко-философском исследовании, будучи напрямую связанной с языком и текстом как одним из способов фиксации языка, также меняет свой характер и содержание. Если раньше стоял вопрос о том, кто должен двигаться навстречу – субъект или объект, то теперь субъект-объектная дихотомия снимается. Проблема языка и его значения для понимания и исследования нас самих и мира высвечивается новым светом благодаря риторическому повороту, который отчасти связан с лингвистическим, но вместе с тем имеет свои собственные истоки и логику развития.

Одним из важнейших импетусов, выведших риторику из области искусства в поле науки, стало общее недовольство засильем объективизма [см.: Bernstein, 1983], а также нарастающее сомнение в справедливости противопоставления *episteme* и *doxa*, планомерно проводившееся в европейской культуре и достигшее апогея в эпоху Просвещения [см.: Simons, 1990, p. 2]. Такое явление как риторический поворот связано с осознанием того, что убедительность не сводится исключительно к аподиктической очевидности, которая работает исключительно в рамках научного знания, но в зависимости от аудитории и целей может включать в себя, в частности, эмотивные элементы¹. «Сейчас яснее, чем когда-либо, что хорошая наука включает в себя гораздо больше, чем твердые факты и холодную логику, и, более того, то, что называется фактом или логикой, символически опосредовано, если не символически (т. е. социально) сконструировано. Относительно немногие ученые все еще предполагают, что язык философа, историка или ученого может быть чистым окном в мир, или что ученые могут каким-то образом “спастись” от риторики» [Ibid, p. 3]. Риторика становится легитимным и необходимым способом представления научных результатов, поскольку наука не существует в вакууме, но зависит от других социальных институтов и вынуждена постоянно оправдывать собственную деятельность перед обществом, доказывая свою значимость. «Самая общая задача риторической аргументации заключается в том, чтобы убедить аудиторию действовать (в том числе мыслить) тем или иным образом. Если аргументы достаточно сильны, чтобы аудитория приняла призыв “оратора” (автора), то не важно, соответствовала ли сама аргументационная структура логическим правилам, истинны ли посылы, корректен ли вывод, коль скоро достигнута цель. Этот аспект отличает риторическую аргументацию от строгого формально-логического доказательства» [Вольф, 2020, с. 430]. Снимая вопрос об истинности и ставя на его место солидарность и согласие, сторонники и провозвестники неориторики уходят от субъект-объектной оппозиции, вследствие чего объект познания уже не расценивается как единственный источник истины, ее гарант и хранитель, истина теряет безусловный характер, располагаясь в общем поле, где разворачивается аргументация. Если применить лекала риторического подхода к историко-философскому исследованию и проблеме понимания в рамках работы историка философии, то стандартный вопрос о том, насколько близко мы подходим к пониманию философских текстов прошлого, приобретет иное звучание. На первый план выйдет убедительность реконструкции, а не глубина проникновения в первоначальный замысел автора, причем убедительность будет ориентироваться на современную историку философии аудиторию – коллег и общество в целом.

¹ Базовые принципы неориторики были прокламированы в работе Хаима Перельмана и Люси Ольбрехтс-Тытеки «Новая риторика» [Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1969].

Прагматический поворот во многом связан с только что рассмотренным нами риторическим поворотом. Достаточно напомнить, что основатель прагматизма Ч. Пирс в конце своего творческого пути обращается к риторике, что оказывает определенное влияние на развитие прагматизма [Вольф, Косарев, 2018]. Также кровная связь неориторики и американских прагматистов прослеживается и в их общем восстании против объективности как таковой. И еще стоит напомнить, что один из самых известных прагматистов Р. Рорти, опровергая устоявшуюся оппозицию объективного и субъективного, абсолютного и относительного, видит выход для себя и других прагматистов в «постепенном внедрении *новых способов говорить*, а не в прямых спорах со старыми способами говорения» [Рорти, 1997, с. 17]. Иначе говоря, прагматисты вслед за неориториками реформируют наш язык и расставляют новые акценты. В частности, они отказываются от представлений о сознании, которое стремится прорваться к реальности и тем самым достичь истинного познания. В этой связи язык становится *инструментом* для взаимодействия с окружающей средой, а не способом ее репрезентации этой среды. Если историка философии поместить в представленную Рорти модель, то получится, что работа с текстом сводится вовсе не к попытке понять первоначальный замысел, но к апроприации его содержания и поиску наиболее значимых для современного контекста идей. Для целей нашей статьи важно отметить, что прагматическое представление о языке и познании влечет за собой отказ от противопоставления субъекта объекту познания: «... нет никакой возможности отделить “вклад в наше знание со стороны самого объекта” от “вклада в наше знание со стороны нашей субъективности”» [Там же, с. 32].

Важным аспектом прагматического поворота становится «согласие» как итог теоретической деятельности. Если мы отрицаем репрезентализм и познание как стремление адекватным образом описать реальность, то встает вопрос о целях познания и конечном результате наших познавательных усилий. Ответ прагматистов в лице Рорти звучит следующим образом: «Задача познания – достигать согласия между людьми относительно того, что им следует делать» [Там же, с. 30]. Какую в таком случае мы поставим задачу перед историком философии? В чем будет заключаться согласие в этой науке? Вероятно, в данном случае согласие будет сводиться к выработке нового канона. Каждая историческая эпоха пишет свою историю философии, включая и исключая из канона тех или иных философов и философские идеи. Сложно представить, что этот отбор происходит исключительно из-за любви к истине. Следует согласиться с прагматистами, что в случае с историей философии мы тоже имеем дело с особым рода «пользой».

Наряду с вышеуказанными поворотами можно выделить и релятивистский поворот, хотя, на наш взгляд, он во многом пересекается с проблематикой риторического и прагматического поворотов. Не следует забывать и про нарративный поворот, благодаря которому рассказ и сюжет стали самодовлеющими и вытеснили собой понимающий субъект и объект понимания. Сюда же стоит добавить интерпретационный, переводческий, перформативный, иконический повороты. Но мы считаем, что для целей нашей статьи достаточно уже рассмотренных примеров, поэтому перейдем к выводам.

Рассмотрев лингвистический, риторический и прагматический повороты применительно к проблеме оправданности сохранения субъект-объектной дихотомии в отношении процедуры понимания, мы пришли к выводу, что век поворотов задал новые рамки и провозгласил новые вызовы, которые вряд ли могут быть удачно отражены

прежними инструментами. Наш небольшой обзор показал, что в философии давно уже утвердилась тенденция на снятие субъект-объектного противостояния, которое в более широком виде представлено как разделение реальности на субъективную и объективную. Это снятие происходит в разных контекстах, но наиболее ярко оно проявляет себя в революционном представлении о роли и месте языка. Субъект понимания отныне не кажется активным актором процесса понимания, он приобретает статус соучастника этого процесса, текст и язык сами диктуют правила игры и предъявляют свои требования субъекту познания, от которых он не может отстраниться. Риторический поворот усиливает вызовы лингвистического поворота. Мы должны учитывать не только язык и его логику, но и тот факт, что мы презентуем результаты своей работы не абстрактному субъекту, но конкретному обществу, и поэтому должны учитывать его специфику. Прагматическая парадигма в свою очередь указывает нам, что прежние отношения субъекта и объекта понимания, заключающиеся в поиске компромиссного решения в деле поиска истины, вовсе не стоят того, чтобы их пролонгировать. Познание не является предприятием, направленным на поиск истины, но является способом солидаризации людей. Исходя из этих тенденций можно заключить, что проблема прояснения логики процедуры познания в истории философии не может ограничиваться вопросом о степени субъективности или объективности этого понимания.

Список литературы / References

Барт, Р. (1989). *Избранные работы: Семиотика: Поэтика*. Пер. с фр. Г. К. Косикова. М.: Прогресс. 616 с.

Barthes, R. (1989). *Selected Works: Semiotics: Poetics*. Kosikov, G. K. (transl.). Moscow. 606 p. (In Russ.)

Бахманн-Медик, Д. (2017). *Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре*. Пер. с нем. С. Ташкенова. М.: Новое литературное обозрение. 504 с.

Bachmann-Medick, D. (2017). *Cultural Turns: New Directions in Cultural Sciences*. Tashkenov, S. (transl.). Moscow. 504 p. (In Russ.)

Витгенштейн, Л. (1994). *Философские работы*. Ч. I. Пер. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Изд-во «Гнозис». 612 с.

Wittgenstein, L. (1994). *Philosophical Works*. Pt. I. Kozlova, M. S., Aseev, Yu. A. (transl.). Moscow. 612 p. (In Russ.)

Вольф, М. Н. (2020). Риторическая аргументация в научно-популярном дискурсе: особенности и перспективы. *Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология*. Т. 36. Вып. 3. С. 426-440.

Volf, M. N. (2020). Rhetorical Argumentation in Popular Science Discourse: Features and Prospects. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. Vol. 36. Iss. 3. Pp. 426-440. (In Russ.)

Вольф, М. Н., Косарев, А. В. (2018). Риторический поворот основателей прагматизма. *Вестник Томского государственного университета*. № 431. С. 47-53. DOI: 10.17223/15617793/431/6

Volf, M. N., Kosarev, A. V. (2018). The Rhetorical Turn of Pragmatism's Founders. *Tomsk State University Journal*. No. 431. Pp. 47-53. (In Russ.)

Горан, В. П. (2006). Процедура понимания в историко-философском исследовании. *Вестник НГУ. Серия: Философия*. Т. 4. Вып. 1. С. 92-103.

Goran, V. P. (2006). The Procedure of Understanding in Historical and Philosophical Research. *Vestnik NSU. Series: Philosophy*. Vol. 4. Iss. 1. Pp. 92-103. (In Russ.)

Потапова, Н. Д. (2015). *Лингвистический поворот в историографии*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 380 с.

Potapova, N. D. (2015). *The Linguistic Turn in Historiography*. St. Petersburg. 380 p. (In Russ.)

Родин, К. А. (2017). Устройство философской головоломки по Витгенштейну (Кембриджские лекции по основаниям математики). *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 40. С. 200-205. DOI: 10.17223/1998863X/40/19

Rodin, K. A. (2017). The Structure of the Philosophical Puzzle (Wittgenstein's Lectures on the Foundations of Mathematics). *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 40. Pp. 200-205. DOI:10.17223/1998863X/40/19 (In Russ.)

Рорти, Р. (1997). Релятивизм: найденное и сделанное. *Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст*. М. С. 11-44.

Rorty, R. (1997). Relativism: Finding and Making. In *Richard Rorty's Philosophical Pragmatism and the Russian Context*. Moscow. Pp. 11-44. (In Russ.)

Bernstein, R. (1983). *Beyond Objectivism and Relativism*. Philadelphia.

de Regt, H. W. (2004). Discussion Note: Making Sense of Understanding. *Philosophy of Science*. No. 71 (1). Pp. 98-109. DOI: 10.1086/381415.

Friedman, M. (1974). Explanation and Scientific Understanding. *Journal of Philosophy*. No. 71 (1). Pp. 5-19. DOI: 10.2307/2024924.

Perelman, C., Olbrechts-Tyteca, L. (1969). *The new Rhetoric: A Treatise on Argumentation*. Notre Dame.

Simons, H. W. (1990). The Rhetoric of Inquiry as an Intellectual Movement. In Simons, H. W. (ed.). *The Rhetorical Turn: Invention and Persuasion in the Conduct of Inquiry*. Chicago. Pp. 1-31.

Информация об авторе / Information about the author

Санжеников Александр Афанасьевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: sanzhenakov@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 15.04.2025

После доработки: 12.05.2025

Принята к публикации: 04.06.2025

Sanzhenakov Alexander – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: sanzhenakov@gmail.com

The paper was submitted: 15.04.2025

Received after reworking: 12.05.2025

Accepted for publication: 04.06.2025